

УДК 159.923+81'27
ББК Ш100.3+Ю952

ГСНТИ 15.41.21; 16.21.29

Код ВАК 19.00.05; 10.02.21

К. В. Злоказов К. V. Zlokazov

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ТЕКСТ И СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ

EXTREMIST TEXT AND TRAITS OF PERSONALITY

Аннотация. Анализируются особенности личности в связи с восприятием экстремистского текста деструктивной направленности. Обсуждаются результаты эмпирического исследования фанатических, националистических, ксенофобических и авторитарных психологических установок и их связи с экстремистскими высказываниями. Приводится регрессионное уравнение прогноза согласия с экстремистским текстом.

Abstract. The article presents features of personality traits in relation to the perception of an extremist text destructive direction. The results of empirical research of fanatic, nationalistic, xenophobic and authoritarian attitudes and their links with extremist statements are discussed. Regressive equation of the consensus forecast with extremist theses is carried out.

Ключевые слова: экстремистский текст; личность; подростки и молодежь; деструктивность личности; прогнозирование.

Key words: extremist text; personality; teenagers and youth; destructive personality; prognosis.

Сведения об авторе: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

About the author: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy Psychology.

Место работы: Уральский юридический институт (Екатеринбург).

Place of employment: the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Копылова, 66, к. 325.
e-mail: zkkrivit@yandex.ru.

Множественность информационных потоков и совершенствование форм их агрегирования — одна из черт современного информационного пространства. Отличие восприятия интернет-информации от информации, представленной другими способами (печатной, на телевидении и радио) видится в саморегулирующей роли субъекта восприятия в этом процессе. В самом деле, при использовании телевизионных и печатных источников субъект не способен ориентироваться в потоке информации, отбирать значимые для себя сведения в той степени, в какой это ему позволяет делать информационное пространство Интернета. Благодаря способности к селекции, структурированию и агрегации информации воспринимающим, подтверждение реальности идей, социальных групп и движений осуществляется гораздо более эффективно, чем это предполагали П. Лазарсфельд и Р. Мертон [Lazarsfeld, Merton 1960]. Соответственно процесс формирования убеждений происходит в настоящее время во взаимоотношающей форме взаимодействия «субъект — текст» и «текст — субъект». Сложность моделирования этого процесса в психолингвистическом исследовании обратно пропорциональна его результативности. Исследование процессов восприятия текста раскрывает не только лингвистические или психологиче-

ские особенности автора и читателя, но и кумулятивные эффекты группового обсуждения, социально-психологические факторы коммуникации в сети Интернет. Особое значение изучению эффектов взаимодействия текста и реципиента придается при прогнозировании деятельности, удовлетворяющей асоциальные и деструктивные потребности современного человека. В данной статье под видом деструктивной активности подразумевается экстремизм — один из актуальных аспектов социально-политической жизни современного российского общества. Деструктивная составляющая экстремистской деятельности заключается в направленности на уничтожение, разрушение социальных структур и институтов. Законодатель определяет формы экстремистской деятельности так: публичное оправдание терроризма; возбуждение социальной, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека в зависимости от его принадлежности к определенному этносу, расе, от его вероисповедания, от его родного языка; публичные призывы, провоцирующие рознь и ненависть, призывы к насилию [О противодействии экстремистской деятельности 2002].

В современной отечественной лингвистике активно осмысливается влияние экстремистского текста на реципиента [Голиков

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

© Злоказов К. В., 2013

2012]. Выделяются различные формы речевого воздействия: «призыв — побуждение — пропаганда» [Иваненко 2008], а также систематизированные по характеру средств реализации (лозунг, апелляция, обращение, воззвание) [Баранов 2007: 424—431]. Экстремистский текст содержит идеи отрицания, уничтожения (разрушения) определенной социальной группы (или ее представителей), признаки которой отрицаются вплоть до противопоставления. Нужно отметить, что ксенофобия по национальному, политическому и религиозному признаку в современном информационном пространстве России достаточно высока. Так, введение в заголовок поисковой машины («Яндекс», «Google» и т. д.) типа национальности уже ориентирует читателя на оценку и категоризацию текста, в котором конкретизируется образ представителя названной национальности. Результаты могут быть такими: «Пьяный „...“ напугал мам расстегнутой ширинкой...» [Колосова 2013], «Московского стилиста Любашенко убил молодой „...“» [Московского стилиста Любашенко...], «„...“ изнасиловал беспомощную 11-летнюю девочку...» [Таджик изнасиловал беспомощную...]. С одной стороны, подобные информационные теги не разжигают межнациональную вражду, однако базируются на привычном контексте восприятия, уточняют и упрощают уже сформированный у реципиента образ «иного». Упрощение происходит до наиболее простой конструкции: «Иной — преступник (враг)». Следует согласиться с М. Б. Ворошиловой, отмечающей классифицирующий признак экстремистского текста — наличие образа врага [Ворошилова 2012]. Ксенофобическая установка «„иной“ — враг» традиционна не только для националистического, но и религиозного, политического, социального экстремистского дискурса. Таким образом, информационное сообщение с указанием классифицирующего признака и преступного деяния переходит в разряд пропаганды. Каков критерий различения информирования и пропаганды? Вероятно, эффект возникновения установки реципиента на схему «восприятие — суждение» будет свидетельствовать о пропагандистском потенциале текста. Например, результатом чтения информационных сообщений, приведенных выше, будет идея о том, что все представители названной национальности совершают преступления. Этот тезис возникает у читателя в субъективно-конкретной форме, в виде оценочной категории, а его следствием, эффектом является отчуждение читателя от представителей социальной группы с определенными признаками.

Следовательно, важность в *психологическом* аспекте исследования экстремистского текста приобретает поиск и обоснование ксенофобического эффекта — отчуждения от представителей социальной группы — «мишени». Отчуждение может осуществляться в активной (агрессия, деструкция, обесценивание) и пассивной (избегание, дистанцирование) форме, выражаться в рефлексивно-оценочных, поведенческих и эмоционально-аффективных реакциях опрашиваемого.

Вторым аспектом психологического исследования выступает оценка психологических особенностей реципиента, оказывающих влияние на реконструкцию смысла текста. К ним можно отнести индивидуально-психологические свойства личности читателя, например нейро- и психофизиологические процессы, возникающие в связи с восприятием [Злоказов 2011]. Следует принимать во внимание и знание (опыт интерпретации) символической составляющей экстремистского текста. Поскольку экстремистский текст предполагает использование аудиовизуальной стимуляции, рассчитанной в том числе и на лиц, не знакомых со знаковой составляющей сообщения [Баранов 2007: 419], знание экстремистской символики (например, рун, цифровой записи, знаков, ритуалов) позволяет субъекту точнее интерпретировать смысл текста, полнее воспринимать идеи автора.

В зарубежной психологии известен ряд измерительных средств, направленных на изучение социально-психологических установок и свойств личности, склонных к экстремизму. К ним относится «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса [Bogardus 1922], характеризующая стремление респондента отдалиться от представителя иной национальности, вероисповедания, политических взглядов и направленная на определение свойств личности экстремиста; «Шкала фашизма», предложенная Т. Адорно с соавторами [Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson, Sanford 1950]; «Шкала социальных установок» Г. Ю. Айзенка [Eysenck 1957].

В анализе психологических особенностей политических деятелей США и Национал-социалистической партии Германии Т. Адорно приходит к выводу о том, что авторитарная личность — это определенный психологический феномен, в котором объединяются социальный консерватизм, потребность в иерархии и уважение силы, ригидность, негибкость установок, стереотипный стиль мышления, стадная враждебность и агрессивность, иногда вплоть до садизма, тревожность по отношению к другим и не-

возможность устанавливать с ними доверительные отношения [Адорно 2001: 8—12].

Г. Айзенк отмечал совпадение свойств личности убежденных фашистов и коммунистов в части авторитарности, ригидности мышления, жесткости и категоричности сознания, повышенной религиозности, склонности к мифологизации и мистицизму. Интересно, что коммунисты, по Айзенку, более радикальны, а фашисты — консервативны, однако и те, и другие в значительной степени авторитарны по сравнению с либералами [Eysenck 1957]. В современных отечественных исследованиях толерантности как свойства личности и социально-психологической установки также измеряются проявления авторитарности, ригидности, консерватизма и нетерпимости во взаимоотношениях с окружающими [Психодиагностика толерантности личности 2008].

Обобщая, отметим, что в процессе психологического анализа экстремистского текста актуальным является изучение эффекта отчуждения, проявляющегося в отрицании представителей социальной группы, отличающейся по национальному, политическому, религиозному, социальному и иным признакам, сопровождающееся анализом установок личности и знанием респондентом символики экстремистского текста.

Для эмпирической проверки сформулированных предположений в 2012—2013 гг. нами было проведено исследование, ход и результаты которого обсуждаются далее в статье.

Цель эмпирического исследования заключалась в установлении связи между степенью согласия респондента с экстремистско-ксенофобическими высказываниями, его отношением к националистической, политической и религиозной символике, а также разделяемыми им экстремистскими установками.

Испытуемыми были старшеклассники 9—12 классов учреждений среднего образования, профессиональных училищ и техникумов таких городов, как Екатеринбург, Ревада, Каменск-Уральский, Реж, Полевской, — всего 1630 человек. Возраст, образовательный уровень, социальный статус опрошенных были выбраны в соответствии с криминологической характеристикой лиц, обвиняемых и осужденных по статье 282 УК РФ, а также состоящих в группировках экстремистской направленности [См., напр.: Меркурьев, Агапов 2013]. Полностью и корректно заполненными оказались 1529 анкет, из них по возрастному критерию мы отобрали работы учащихся 15—20 лет. В выборку исследования вошел 1441 человек.

Таблица 1

Половозрастной состав выборки

Возраст, лет	Пол	
	Юноши	Девушки
15—16	301	186
17—18	729	346
19—20	411	290

Для изучения свойств выборки, ее однородности и гомогенности использовались методы расщепления выборки с равным и неравным числом испытуемых с последующей статистической обработкой данных по критериям d и λ Колмогорова — Смирнова. Анализ показал отсутствие значимых различий между четными и нечетными испытуемыми по анализируемым показателям. Утверждения из набора тезисов, не отвечающие данным критериям, были отброшены. Математико-статистический анализ подтвердил репрезентативность, гомогенность выборки и нормальность распределения ответов испытуемых по шкалам методик, используемых в исследовании.

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы исследования включали стандартизованный самоотчет выборки испытуемых, математико-статистический анализ эмпирических данных. Использовались следующие методики:

1. *Шкала социальной дистанции* (Э. Богардус, 1920 г.) в модифицированном и сокращенном нами варианте. Шкала оценивает степень социально-психологического принятия людьми друг друга, степень психологической близости людей, способствующей легкости их взаимодействия. В исследовании использовались позиции (ранги) оценки испытуемыми представителей другой национальности, культуры, религии, политических взглядов. Оценка социальной приемлемости и экспансивности респондентов намеренно не проводилась.

2. *Анкета социально-психологического анализа экстремистско-деструктивной направленности молодежи* (К. В. Злоказов, П. Е. Сулонов; 2012 г.), включающая в себя 14 основных вопросов, объединенных по результатам конфирматорного факторного анализа в 4 шкалы (фанатизм, национализм, ксенофобия, авторитаризм). Применялись следующие показатели конфирматорных моделей: χ^2 — значение статистики «хи-квадрат»; df — число степеней свободы; p — значение вероятности статистической ошибки; RMSEA — квадратичная усредненная ошибка аппроксимации (root mean-square error

of approximation), RMR — корень среднего остатка; CFI — сравнительный индекс соответствия Бентлера. Статистики модели были такими: $\chi^2 = 55,26$, $df = 29$, $p < 0,004$, $RMSEA = 0,04$; $CFI = 0,976$, $RMR = 0,027$. В соответствии с логикой изложения прокомментируем интерпретацию высоких значений показателей по шкалам.

Высокие значения по шкале «*Фанатизм*» предполагают сосредоточенность на религиозных идеях, увлеченность религией, наличие представлений о преимущественной роли религиозных норм в жизни испытуемого и его ближайшего окружения, использование религиозных канонов для объяснения жизненных событий.

Высокие значения по шкале «*Национализм*» предполагают дискриминирующую установку респондента по отношению к представителям других национальностей, нетерпимость к иным культурам и социальным нормам. Актуальна деструктивная составляющая национализма — идея о зле с лозунгом «Добро должно быть с кулаками», одобрение репрессивных методов управления, призывы к радикальным решениям в отношении представителей других национальностей.

Высокие значения по шкале «*Ксенофобия*» характеризуют стремление отвечающего избегать контакта с представителями других национальностей, религии и, вероятно, убеждений. Нежелание контактировать с другими представителями общества может быть обусловлено негативным опытом взаимодействия (например, агрессией и дискриминацией со стороны представителей иных религиозных групп, национальностей) либо агрессивно-защитной позицией вытеснения, вытеснения за пределы своего круга социальных контактов.

Высокие значения по шкале «*Авторитаризм*» можно интерпретировать как представления о необходимости стойкости и твердости в отношениях с окружающими. Также содержание шкалы характеризует ригидность личности через констатацию таких признаков, как категоричность суждений, твердость убеждений и неизменность решений. Авторитаризм как свойство личности описывает своеобразный фундамент, связанный с готовностью придерживаться принятого решения, в том числе противоречащего социальным нормам и общественным интересам.

3. *Набор тезисов*, формулируемых в видеофрагментах экстремистской направленности, являвшихся предметом судебной психолого-лингвистической экспертизы (62 видеофрагмента, 2006—2013 гг.). Мы отобрали

12 тезисов, наиболее часто встречающихся в видеофрагментах. По результатам психометрической оценки (частоты выбора, понятности испытуемому) в исследование были включены следующие пять утверждений:

- «Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами».
- «Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре».
- «Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства».
- «Думаю, что основными проблемами русского народа являются пьянство и деградация».
- «Думаю, что для решения многих социальных проблем было бы неплохо выгнать всех мигрантов и переселенцев».

Текст и смысл утверждений оценивался 25 экспертами, в числе которых были сотрудники центров противодействия экстремизму У(ГУ) МВД России различных федеральных округов. Согласованность мнений экспертов о направленности утверждений составила 0,91 (применялся коэффициент α Кронбаха), что является достаточным для утверждения о непротиворечивости содержания суждений и соответствия их экстремистскому дискурсу. В процессе анкетирования испытуемым предлагалось выразить свое согласие с утверждениями. В случае согласия начислялся один балл, несогласия — ноль. Согласие со всеми пятью утверждениями предполагает оценку 5 баллов, полное несогласие — ноль баллов. Данный показатель рассчитывался по всему массиву обследованных и подвергался математико-статистическим преобразованиям.

При разработке стимульного материала возникла необходимость применения стимулов, не связанных с процедурами опроса и самоотчета и характеризующих установку испытуемого в иных модальностях восприятия. В соответствии с высказанными предположениями при изучении и оценки валидности применялись *оценка субъективного принятия/отрицания политической (религиозной) символики и оценка выбора вида системы государственного управления*. Данные процедуры оценки позволили уточнить и расширить представление об особенностях экстремистско-националистических установок опрошенных.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Применение однофакторного дисперсионного анализа показателя шкалы социальной дистанции Богардуса позволило определить уровень социальной дистанции для испытуемых различных типов экстремистско-деструктивной направленности.

Респондентам предлагалось оценить, насколько допустимым для них будет близость человека другой национальности (культуры, религии, политических взглядов). В работе применялся модифицированный (подробнее о необходимости модификации см.: [Сергеев 2008]) и сокращенный нами вариант шкалы Богардуса [Bogardus 1922]. Так, был изменен диапазон шкалы — с 7 градаций до 6 (в нашем исследовании отсутствовало измерение «would have live outside of my country»). Модифицированы в ходе перевода дистракторы шкалы (так, для опрашиваемых школьников критерий близости 6 («would marry» был переведен как «В качестве близкого (любимого) человека»). Изменен объект оценивания — респондентам предлагалось выразить степень дистанции человека, отличающегося по национальным признакам, религиозным убеждениям или политическим взглядам. Испытуемому приходилось самостоятельно определять критерий дистанцирования — национальность, религия, политические взгляды или убеждения. Поскольку целью измерения был уровень выраженности экстремистской

направленности, сопровождающейся ксенофобией, в эмпирическом анализе задача детализации признака — национальность, религия или политические взгляды, — испытуемому не ставилась. Модификация также позволила избежать навязывания категорий, о которых испытуемые в силу их возраста, политической и социально-экономической ситуации обследования не были достаточно осведомлены, упростить процедуру обследования за счет сокращения времени на ответ. Полученные результаты были подвергнуты дисперсионному анализу (см. рис. 1).

Максимальная степень дистанции характерна для высокого уровня показателей шкал «Национализм», «Ксенофобия», «Фанатизм». Данные различия статистически значимы по показателям «Фанатизм» ($F = 3,564$, $p < 0,0013$), «Национализм» ($F = 5,587$, $p < 0,0000$), «Ксенофобия» ($F = 2,263$, $p < 0,035$), «Авторитаризм» ($F = 2,492$, $p < 0,021$). Наибольший уровень социального удаления (избегания) характерен для шкал «Ксенофобия» и «Национализм».

У опрошенных с высокими показателями по этим шкалам отмечается стремление максимально дистанцироваться от представителей иных национальностей, религиозных или политических взглядов; имеющие низкие значения, наоборот, допускают социальное сближение до уровня проживающего по соседству, одноклассника или одноклассника, близкого (любимого) человека.

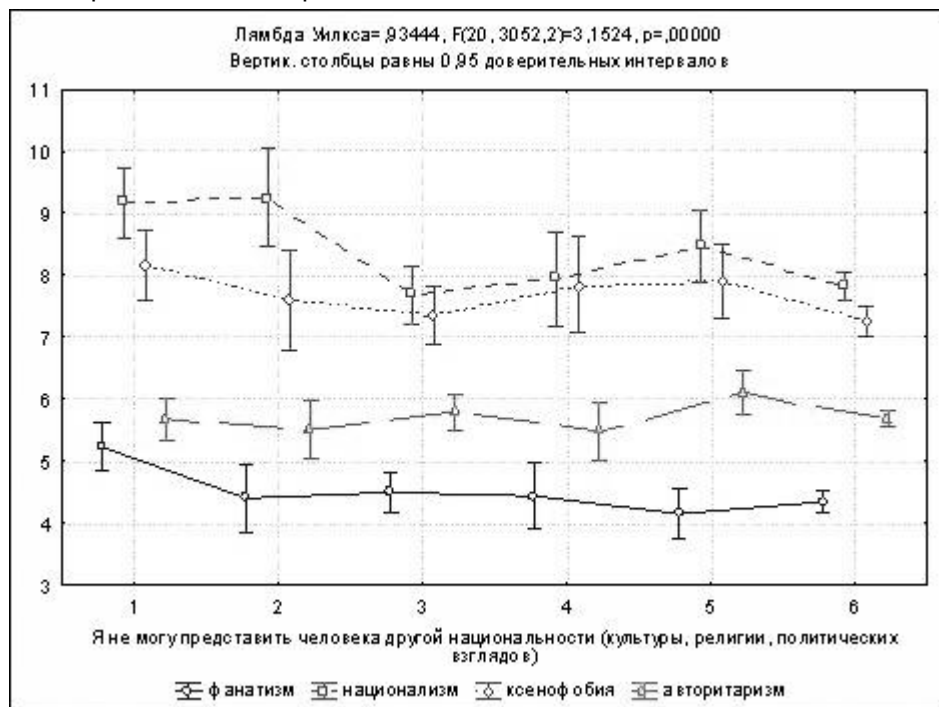

Рис. 1. Вид социальной дистанции в зависимости от позиции (ранга) шкалы

Примечание. 1. Проживающего отдаленно от меня (в другой части города). 2. Проживающего в моем квартале (улице). 3. Проживающего по соседству. 4. Учащегося в моем классе (моей группе). 5. В качестве моего друга. 6. В качестве близкого (любимого) человека.

Для содержательного анализа нами была разработана и применялась шкала выбора предпочитаемой формы государственного управления. Ее цель заключалась в определении предпочтений формы управления в зависимости от уровня выраженности установок. В настоящее время экстремистская активность в российском информационном пространстве сопровождается призывами к изменению государственного устройства, формы правления, конституционного строя. Формы государственного управления были выбраны по результатам контент-анализа образцов экстремистских текстов, явившихся материалами судебной психолого-лингвистической экспертизы. Наиболее часто предлагаемыми формами управления в экстремистском призыве выступают диктатура, монархия, авторитаризм, а наиболее критикуемыми — демократия и либерализм. В анкете эти формы были сгруппированы в шкалу и респонденту предлагалось выбрать наиболее предпочитаемый вид управления государством. Полученные результаты обрабатывались однофакторным дисперсион-

ным анализом (ANOVA). Средние и дисперсии по каждой из форм управления представлены на рис. 2.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что выбор диктатуры в качестве механизма государственного управления статистически значимо определяет высокий уровень выраженности показателя по шкале «Национализм» ($F = 14,661$, $p < 0,00001$). Испытуемые, предпочитающие авторитарный и олигархический виды государственного управления, отличаются повышенным уровнем значения показателя «Ксенофобия» ($F = 7,054$, $p < 0,00001$). Для испытуемых с высоким значением показателя «Фанатизм» предпочтительнее других становится форма олигархического управления ($F = 4,085$, $p < 0,001$).

Следовательно, высокие значения показателей отражают позицию опрашиваемого в части выбора механизмов государственного управления, коррелируют с предпочтениями директивных и карательных форм управления у испытуемых с высокими значениями показателей шкал «Национализм» и «Ксенофобия».

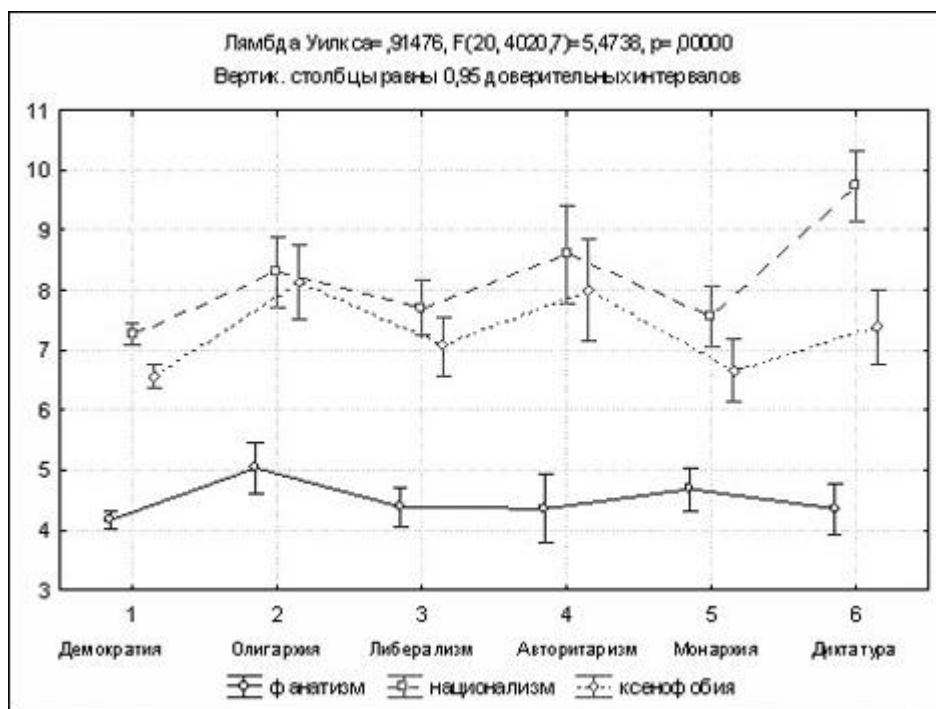

Рис. 2. Форма государственного управления в зависимости от выраженности показателей шкал экстремистских установок

Примечание. По горизонтали перечислены формы государственного управления, по вертикали — уровень выраженности установки, общий для шкал «Фанатизма», «Национализма», «Авторитаризма». Точками на кривых отмечены средние значения показателей, вертикальные линии — 95 % дисперсии ответов опрошенных.

Также в исследовании содержания шкал анкеты нами была разработана и применялась шкала предпочтения и отрицания политической и религиозной символики. Теоретические основания разработки подобной шкалы обоснованы в ряде исследований по проблемам политической лингвистики [Скочило 2012]. В шкале использовались вербальные стимулы «Крест», «Полумесяц», «Двухглавый орел», «Серп и молот», «Коловрат». Выбор символов обусловлен типами политических идеологий, распространенных в современном российском социально-политическом и информационном пространстве. Символы не были представлены в графическом виде, поскольку обозначение «коловрат» не является достаточно распространенным, в отличие от изображения, следовательно, его выбор предполагает знакомство опрашиваемого с его современными репрезентациями (экстремистской нагруженностью).

При выполнении задания испытуемому предлагалось обвести предпочитаемый символ и зачеркнуть отвергаемый. В процессе обработки результатов учитывались только те ответы, в которых испытуемый четко фиксировал свой выбор, обводя и подчеркивая по одному символу. Результаты выбора и

значения показателей анкеты по выборке были подвергнуты однофакторному анализу ANOVA (см. рис. 3).

Дисперсионный анализ уточнил характер влияния. Было установлено, что выбор символа «Коловрат» характеризует высокий уровень показателя шкалы «Национализм» ($F = 4,582$, $p < 0,0011$), выбор символа «Полумесяц» — значительную выраженность показателя шкалы «Фанатизм» ($F = 3,0376$, $p < 0,01$). Показатели шкал «Авторитаризм» и «Ксенофобия» статистически значимого влияния на предпочтения символов не оказали. Высокий уровень националистической установки может проявляться и в символической составляющей — выборе свастики, серпа и молота как знаков особого типа политической культуры и социального устройства с отрицанием отдельных национальностей, социальных групп, культур. Интересно, что символ «Полумесяц» предпочитается испытуемыми с повышенным уровнем значения по шкале «Фанатизм». Здесь тип установки, вероятно, раскрывается содержанием символа. Также нами изучалось отрицание символов опрашиваемыми. Результаты ANOVA по статистически значимым результатам графически представлены на рис. 4.

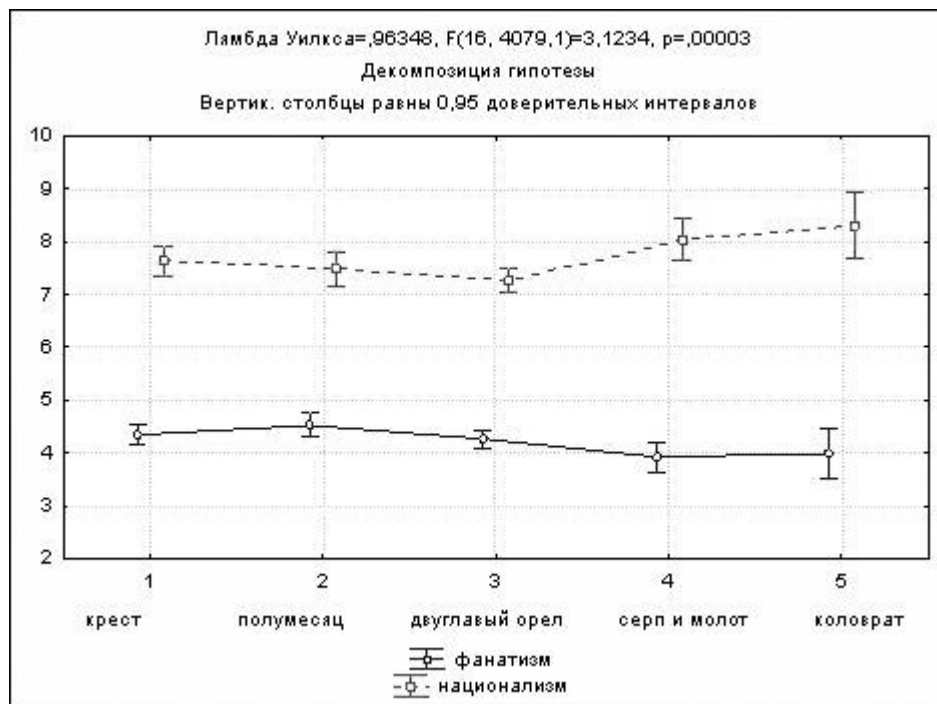

Рис. 3. Выбор символа в связи с различным уровнем показателей по шкалам «Фанатизм» и «Национализм»

Примечание. По горизонтали перечислены политические и религиозные символы, по вертикали — уровень выраженности установки, общий для шкал «Фанатизм», «Национализм». Точками на кривых отмечены средние значения показателей, вертикальные линии — 95 % дисперсии ответов опрошенных.

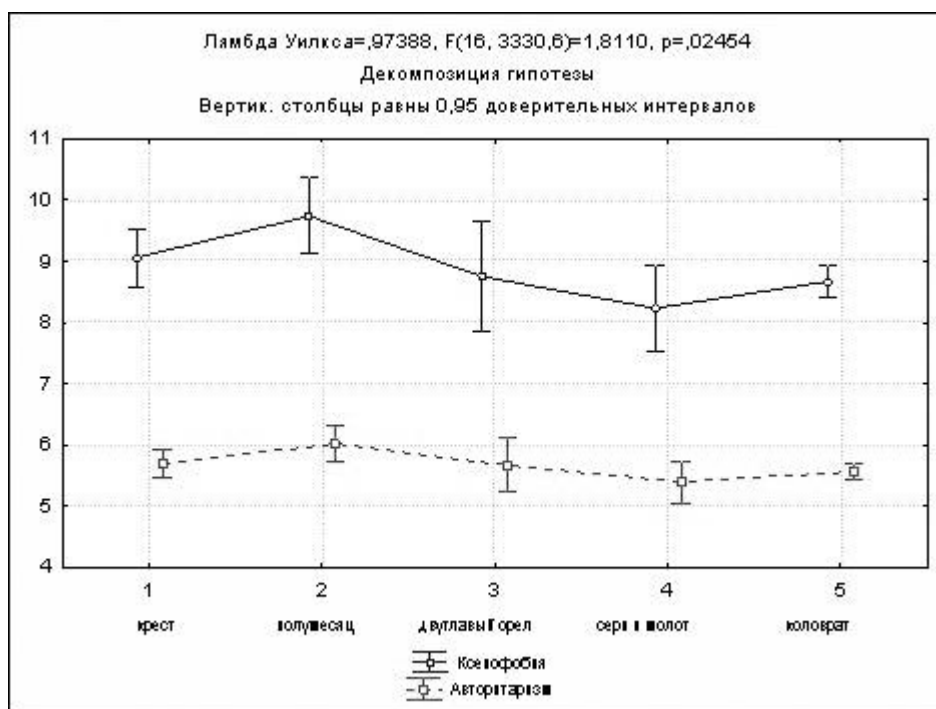

Рис. 4. Отрицание символа в связи с различным уровнем показателей по шкалам «Ксенофобия» и «Авторитаризм»

Примечание. По горизонтали перечислены политические и религиозные символы, по вертикали — уровень выраженности установки, общий для шкал «Фанатизм», «Национализм». Точками на кривых отмечены средние значения показателей, вертикальные линии — 95 % дисперсии ответов опрошенных.

Дисперсионный анализ показал статистически значимое влияние отрицаемых символов на показатели шкал «Ксенофобия» ($F = 3,317$, $p < 0,0013$) и «Авторитаризм» ($F = 2,444$, $p < 0,0449$). Символы «Полумесяц» и «Крест» отрицаются опрашиваемыми с высоким уровнем показателей по шкалам «Ксенофобия» и «Авторитаризм». Выражение негативизма испытуемых объясняется перечнем предпочитаемых и отрицаемых символов.

Для выявления особенностей оценки испытуемыми образцов экстремистских текстов выборка была разделена нами на две группы (с высокими и низкими значениями по шкалам анкеты). Для первичной оценки был проведен анализ ANOVA, показавший, что по всем утверждениям в совокупности обследуемые с высоким уровнем экстремистской установки склонны давать утвердительные ответы, а с низким — отрицательные ($F = 1,909$ при $p < 0,0061$). Как было установлено на материале всей выборки исследования, статистически значимо коррелируют с баллом оценки согласия (несогласия) с утверждениями показатели всех шкал, что говорит о связи экстремистской установки и экстремистского текста. Специфический характер связи прослеживается на полярных

группах. Так, у группы с высоким уровнем экстремистской установки степень согласия с утверждениями статистически значимо коррелирует с показателями шкал «Национализм» ($\tau = 0,47$ при $p < 0,0053$) и «Ксенофобия» ($\tau = 0,55$ при $p < 0,0053$). Вероятно, в восприятии утверждений определенную роль играют установки националистического и ксенофобического оттенка, определяющие мнение исследуемых. У группы с низким уровнем экстремистской установки согласие с утверждениями отрицательно связано со значением шкалы авторитаризма ($\tau = -0,25$ при $p < 0,0059$). Остальные шкалы не продемонстрировали значимых корреляций, что свидетельствует об отсутствии националистических, ксенофобических установок у испытуемых в оценке экстремистского текста.

Для определения особенностей группирования утверждений в группах испытуемых с высоким и низким уровнем экстремистских установок был проведен кластерный анализ, позволивший выделить специфические особенности принятия либо отрицания образцов текста испытуемыми. Кластерный анализ проводился методом расчета полной связи (Complete linkage) с учетом евклидовой дистанции.

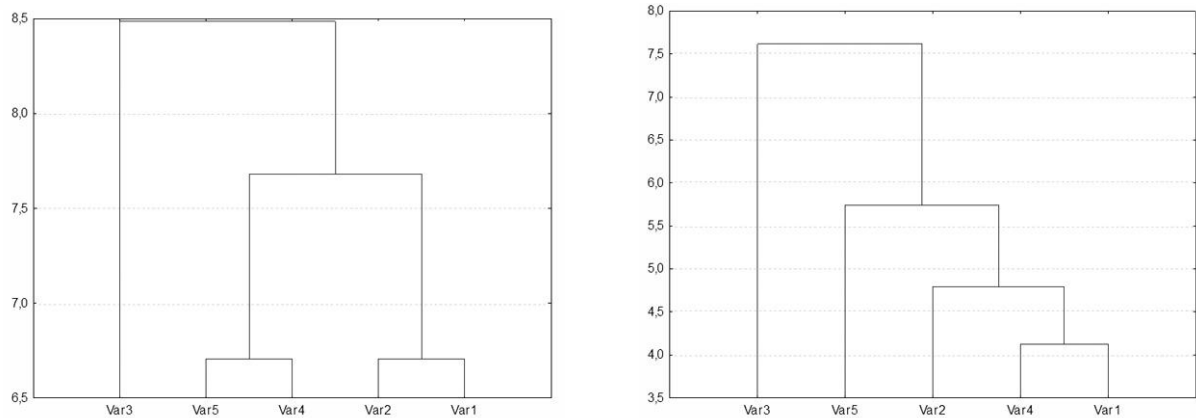

Рис. 5. Дендрограммы группирования утверждений экстремистского характера

Примечание. Левая группа — высокий уровень, правая — низкий уровень экстремистской установки. Утверждения: var1 — «Думаю, что большинство преступлений в нашем регионе совершается иностранными мигрантами»; var2 — «Знаю, что мигрантам никогда не привыкнуть к нашему образу жизни, порядкам и культуре»; var3 — «Считаю, что в ситуации кризиса в нашей стране вину за него следует возлагать на захватившие власть социальные (национальные) меньшинства»; var4 — «Думаю, что основными проблемами русского народа являются пьянство и деградация»; var5 — «Думаю, что для решения многих социальных проблем было бы неплохо выгнать всех мигрантов и переселенцев».

Сопоставление кластерных структур показывает, что в ядре кластеров для испытуемых с высоким уровнем экстремистской установки объединяются утверждения о криминальности и потенциальной неадаптивности «мигрантов», второй кластер объединяет часто встречающиеся в националистической среде идеи о пьянстве и деградации русского народа с представлением о необходимости изгнания всех мигрантов (последнее утверждение эксплуатируется одной из партий, участвующих в выборах в органы местного самоуправления в г. Екатеринбурге и Свердловской области). Идея переноса вины за «развал» страны (var3) выходит за пределы кластеризации и является наиболее дистанцированной от сформированных кластерных структур. Данная особенность наблюдается и в выборке опрошенных с низким уровнем экстремистской установки. В этой группе в ядро кластерной структуры включены утверждения о криминальности иностранных мигрантов и деградации русского народа. В дальнейшем, на третьем шаге кластеризации, к ним примыкает утверждение о необходимости изгнания мигрантов и переселенцев.

Обобщая сказанное, отметим, что различия в кластерных моделях демонстрируют как порядок объединения, так и основания классификации. Высокий уровень экстремистской установки проявляется в активном и агрессивном отрицании представителей иных национальностей, низкий — в объединении идей слабой нации и негативного влияния других национальностей. Безусловно, в методологии исследования невозможно определить иную систему координат, по-

мимо уже существующей, заданной; в реальной ситуации палитра взглядов, без сомнения, богаче. В то же время определение смысловых элементов экстремистской установки позволяет нам разобраться в уровне их выраженности. Так, с помощью процедур регрессионного анализа можно предсказать степень согласия обследуемых с перечнем экстремистских утверждений, опираясь на уровень экстремистской установки. Для этого нами применялась множественная регрессионная модель, рассчитанная методом гребневой регрессии с $\lambda = 0,1$. Гребневая регрессия позволяет уточнить вероятность прогноза в ситуации высокой связи анализируемых переменных. Действительно, социально-психологические показатели анкеты высоко коррелируют друг с другом ($r > 0,70$ при $p < 0,001$). Свободный член модели нами исключен, поскольку линия регрессии должна проходить через начало координат, ведь отсутствие согласия с утверждениями в нашем случае статистически значимо связано с низкими значениями показателей анкеты. Полученное на третьем шаге регрессионное уравнение имеет следующий вид:

$$\text{Согласие} = 0,12 \cdot \text{«Ксенофобия»} + 0,09 \cdot \text{«Национализм»} + 0,11 \cdot \text{«Авторитаризм»}.$$

Параметры уравнения: $R = 0,84$; $R^2 = 0,72$; скорректированное $R^2 = 0,71$, $F(3,248) = 213,36$; $p < 0,0001$; стандартная ошибка оценки: 1,517. Полученное уравнение позволяет объяснить 72 % дисперсии переменной «Согласие с утверждениями», что говорит о достаточно уверенном прогнозировании уровня согласия испытуемых с экстремистскими утверждениями. Опишем уровни наблюдаемых и предсказанных значений (см. табл. 2).

Таблица 2

Наблюдаемые и предсказанные значения по полученному регрессионному уравнению

Уровень	Значения		Остатки	Махаланобиса расстояние	Кука расстояние
	Наблюдаемые	Предсказанные			
Минимум	0,00	0,88	– 3,57	0,23	0,00
Максимум	5,00	3,99	+ 4,00	7,56	0,02
Среднее	2,48	2,25	+ 0,23	1,88	0,00
Медиана	2,00	2,18	+ 0,23	1,78	0,00

Примечание. «Наблюдаемые»: 0 — не согласен со всеми утверждениями, 5 — согласен со всеми утверждениями. «Предсказанные» — усредненное значение согласия в соответствии с показателями шкал «Национализм», «Ксенофобия», «Авторитаризм». Остатки — разности между наблюдаемыми значениями и значениями, предсказанными изучаемой моделью. Чем лучше модель согласуется с данными, тем меньше величина остатков.

Расстояние Махаланобиса свидетельствует о значимом отклонении независимых переменных от средних значений по выборке, хотя расстояния Кука варьируются незначительно. В целом уравнение предсказывает уровень согласия респондентов с минимальными и средними значениями экстремистской установки, у опрошенных с высоким уровнем погрешность (дисперсия) оценок обусловлена выбросами. Наличие выбросов характеризует, по всей видимости, парадокс Р. Лапьера, показавшего, что согласие испытуемого с определенными идеями вовсе не означает готовность к действиям для их реализации [Степанов 2005: 346—347]. Так, из 250 опрошенных с высокими и низкими уровнями националистической и ксенофобической установки шестеро согласны с представленными утверждениями, однако не продемонстрировали достаточный уровень выраженности по шкалам методики.

Психологический смысл полученного уравнения заключается в том, что согласие респондента с экстремистскими высказываниями прямо обусловлено ксенофобическими, националистическими установками и уровнем авторитарности.

Обсуждение результатов и выводы

Восприятие текста сопровождается не только формированием его смысловой картины, но и актуализацией смыслов у реципиента, уточнением или модификацией образа. Экстремистский текст нагружен эмоциональными и мотивирующими реципиента формулами (призывами и пропагандистскими высказываниями), восприятие которых не может не задействовать когнитивную и рефлексивную составляющие самосознания. В использованных нами исследованиях показано, что восприятие эмоционально значимого текста связано с оценочно-идентифицирующими механизмами самосознания

воспринимающего, в частности с активизацией в сознании категорий «свой» и «иной». Ксенофобическая идея экстремистского текста структурирует «образ Я» слушателя, идентифицируемый с латентными категориями социально-психологической общности — нацией, религиозными или политическими взглядами социальной группы. У подростков и молодежи экстремистский текст не только формирует отклик в эмоциональных процессах и состояниях воспринимающего субъекта, но и влияет на культуру повседневности, структурируя ее в виде опыта жизнедеятельности, ценностей и норм. Если рассуждать в пессимистическом ключе, следует отметить, что с насыщением информационного пространства аудиовизуальная культура экстремистского текста трансформируется в повседневную культуру современной молодежи.

Исследование базировалось на идее о взаимообусловливании воспринимающего и воспринимаемого в современном информационном пространстве, о неразрывности развития интерпретационных возможностей субъекта, формирования самосознания субъекта и совершенствования текста. Цель исследования охватывала лишь часть сформулированных в теоретическом анализе гипотез и была направлена на описание и уточнение роли психологических особенностей реципиента в репрезентации экстремистского текста.

Полученные с помощью методов математико-статистического анализа выводы свидетельствуют об успешной детализации исходных положений исследования. Так, националистически и ксенофобически ориентированные участники опроса предпочитают символику коловрата, серпа и молота, подчеркивая стремление к тотальности собственного сознания и самосознания, выбирают формы государственного управления (монархия, авторитарность) в соответствии с тенденциями доминирующих экстремистских установок.

Оценка методом социальной дистанции по Богардусу показывает, что испытуемые с преобладанием националистических и ксенофобических идей стремятся максимально отдалиться от представителей других наций, политических и религиозных взглядов.

При определении степени согласия с экстремистским текстом корреляционный и дисперсионный анализ обнаруживает связь мнения испытуемых с уровнем выраженности установок, а различия в кластерных структурах характеризуют деструктивный (активно-агрессивный) либо отчуждающий (пассивно-агрессивный) тип категоризации утверждений.

Регрессионный анализ демонстрирует зависимость согласия испытуемых с утверждениями экстремистской направленности от уровня ксенофобических, националистических и авторитарных установок и с определенной степенью точности позволяет предсказать ассимиляцию смысловых единиц экстремистского текста.

Полученные выводы предполагают дальнейшее движение исследовательских интересов — к вопросу о динамике самосознания реципиента в связи с восприятием экстремистского текста, качестве изменений в категориях интерпретации текста, эффектах экстремистского призыва и пропаганды, формировании когнитивных структур и саморазвития субъекта в аспекте экстремистского дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. д-ра филос. наук В. П. Култыгина. — М. : Серебряные нити, 2001.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007.
3. Ворошилова М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика : вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/voroshilova_m_b_chernaja_chuma_nominacii_vraga_v_ekstremistskom_tekste/5-1-0-119 (дата обращения: 21.08.2013).
4. Голиков Л. М. Семиотика экстремистского текста // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика : вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ekstremistskogo_teksta/5-1-0-137 (дата обращения: 21.08.2013).
5. Злоказов К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-

экстремистской направленности // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 210—216.

6. Иваненко Г. С. Анализ формы речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2008. С. 82—87.

7. Колосова О. Пьяный таджик напугал мам растегнутой шириной // KP40.Ru : сайт / ИД «КП-Калуга». 2013. 20 авг. URL: http://www.kp40.ru/news/gorod_oblast/21657 (дата обращения: 21.08.2013).

8. Меркурьев В. В., Аганов П. В. Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества // Криминологический журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2013. № 1. С. 26—35.

9. Московского стилиста Любащенко убил молодой таджик // Mosday.ru : сайт. 2013. 21 июня. URL: <http://mosday.ru/news/item.php?190625> (дата обращения: 21.08.2013).

10. О противодействии экстремистской деятельности = Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. № 138—139. 30 июля.

11. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. — М. : Смысл, 2008.

12. Сергеев В. Социальная дистанция и национальные установки // Телескоп. 2008. № 2. С. 57—61.

13. Скочилова В. Г. Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3. С. 93—102.

14. Степанов С. С. Популярная психологическая энциклопедия. — М. : Эксмо, 2005.

15. Таджик изнасиловал беспомощную 11-летнюю девочку в Череповце // Правые новости : сайт. 2013. 25 июля. URL: <http://pn14.info/?p=137055> (дата обращения: 21.08.2013).

16. Adorno T., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford R. N. The authoritarian personality. — N. Y. : Harper, 1950.

17. Bogardus E. S. Psycho-Sociological Thought // History of Social Thought. — Los Angeles : Univ. of Southern California, 1922. P. 366—388. URL: http://www.brocku.ca/Mead_Project/Bogardus/1922/1922_22.html. (дата обращения: 23.08.2013).

18. Eysenck H. J. Sense and nonsense in psychology. — Harmondsworth : Penguin, 1957. URL: <http://www.ditext.com/eysenck/politics.html> (дата обращения: 23.08.2013).

19. Lazarsfeld P., Merton R. Mass Communication: Popular Taste and Organized Social Action // Mass Communications / Urbana. 1960. URL: http://www.journalism.wisc.edu/~downey/courses/j201/pdf/readings/LazarsfeldP.etal_201948.pdf (дата обращения: 21.08.2013).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова